

годы и люди

ЧЕЛОВЕК НЕ ХОЧЕТ ПОКОЯ

модельным смотре комиссия из Москвы, и парня забраковали «по чистой» — ни слуха, ни голоса. А он без песен жить не может.

МОЖЕТ БЫТЬ, вы много раз проходили мимо этого дома. Нет в нем, на первый взгляд, ничего примечательного. Старый деревянный дом с низеньким крыльцом...

Поднимитесь на это крыльцо. Не стесняйтесь! Смело нажимайте на кнопку звонка. Навстречу вам выйдет человек лет... Впрочем, не торопитесь определять его возраст. Лучше обратите внимание, что, несмотря на седые волосы и густую сетку морщин, у него стройная, подвижная фигура, приятный голос и совсем не стариковский взгляд — с искоркой глаз — молодой, пылкий, излучающий.

Хозяин радушно проведет вас в комнату. Вы, конечно, прежде всего заметите несколько старомодную мебель — тяжелые кресла, массивный стол, причудливую люстру. Но, кроме того, что они уже очень долго служат человеку, вещи ничего не расскажут. Другое дело — фотографии. Они, как в музее, почти сплошь завесили всю стену над пианино.

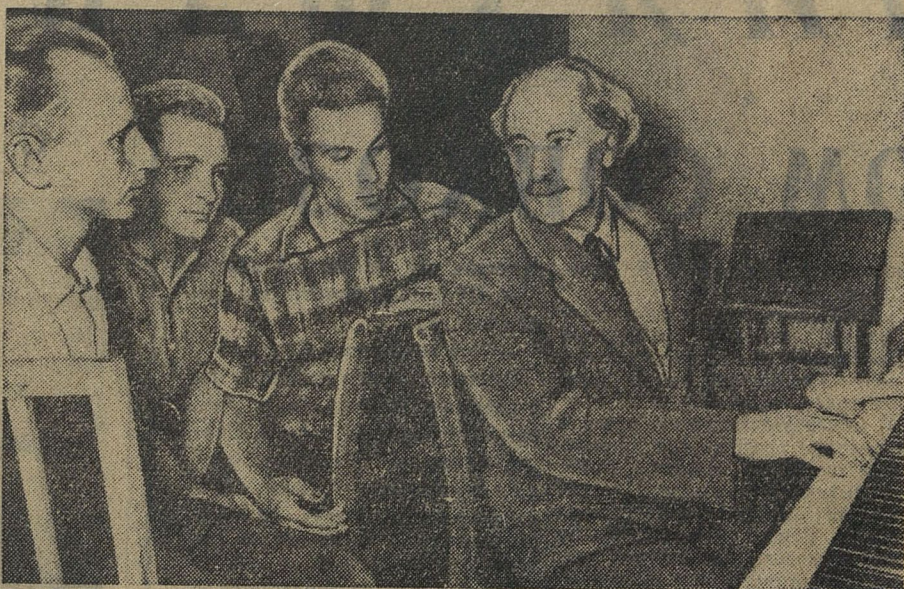
Присмотритесь. Знакомое лицо, не правда ли? Давайте прочитаем, что там написано, на этой фотографии. «Милому юному товарищу по Большому театру Вячеславу Дмитриевичу Наумову с горячим пожеланием успехов. Леонид Собинов. Москва, 17 декабря 1928 года».

Леонид Витальевич Собинов, великий русский артист! А рядом? «Милому Славушке Наумову на память о Кастрополе, о прекрасно проведенных гастролях. А. Нежданова».

Глаза разбегаются! «Вячеславу Дмитриевичу Наумову на добрую память. Н. Обухова»... «Дорогому Вячеславу Дмитриевичу Наумову в память об общей работе над любимой нами русской песней. Александр Оленин»... «Дорогому другу и земляку, рязанскому соловью В. Д. Наумову на память. Анатолий Новиков»...

Кто же он, Вячеслав Дмитриевич Наумов, «рязанский соловей»? Да тот самый — с искристыми глазами, хозяин этого дома. Его нелегко узнать на пожелтевших снимках рядом с Неждановой и Собиновым. Но это он. Вот он — мечтательный Ленский, вот озорной Грицько из «Сорочинской ярмарки», красавец Джеральд из «Лакме», задумчивый Лоэнгрин...

Большой театр. Вершина искусства! Дорога к этой вершине была

долгой. До сих пор чудятся иногда Вячеславу Дмитриевичу тяжелые, методичные слова регента рязанского архиерейского хора Климова. Талант? Что ж, вот и пой здесь, во храме, воздавая хвалу господу.

Наверное, так и остался бы он безвестным рязанским гражданином Наумовым, если бы не грянула революция. На счастье миллионов и на его счастье. В одну из музыкальных школ, двери которых широко распахнулись для людей труда, и поступает двадцатипятилетний Вячеслав Наумов.

Школа — это ученье. Да, в первую очередь ученье, терпеливое и настойчивое. Но страна была со всех сторон зажата вражескими клещами, с юга наседали на Рязанскую губернию Мамонтовы, то и дело вспыхивали кулацкие мятежи. Стране требовались бойцы.

И Вячеслав становится бойцом. Вчера он пел у красноармейцев, отправлявшихся на фронт, сегодня ему аплодируют рабочие кожевенного завода, завтра он выступает на бывшем заводе братьев Левонтиных. Песня — бомба, песня — штык, песня — знамя... Руки красноармейцев крепче сжимали винтовку, а рабочий, потуже подтянув ремень, бодро шел на коммунистический субботник, напевая только что слышанный боевой мотив.

— Слава, я боюсь за твой голос, ты слишком часто поешь, — беспокоилась Елена Михайловна Дервиз, преподавательница сольного пения. А он не мог иначе. Он чувствовал: его голос, его песни нужны людям.

Окончание музыкальной школы совпало с окончанием гражданской войны. Вячеслава вызвали в Рязанский губком партии.

— Талант ваш уже признан трудящимися, — сказали ему. — Теперь вы должны совершенствоваться...

Жизнь вдруг стала очень походить на сбывающуюся сказку. Подумать только: его направляли в Москву, в консерваторию! О чем раньше он даже и мечтать не смел.

Давно, еще перед свадьбой, он признался Маше:

— Хочу стать артистом...
— Ну, уж если артистом, — в шутку заметила она, — то только Большого театра.

И вот опять шутка оборачивается по-серьезному. Опять сбывается его дерзкая мечта. Как одного из талантливейших студентов консерватории, в 1924 году его приглашают в Большой театр. И одновременно в Ленинград, в Мариинский. Два ведущих оперных театра страны зовут к себе молодого одаренного певца. «Куда же идти, Маша?» — спрашивает он в письме у жены. «Помоюму, я тебе заранее ответила»...

Он пел ведущие партии с Неждановой и Собиновым, с Барсовой и Степановой, с Катюльской и Петровым. Ему дирижировали Голованов, Сук, Ипполитов-Иванов. Можно было бы написать целую книгу об этой счастлившей поре его жизни.

Можно было бы очень много рас-

сказывать о том, как в грозную годину Великой Отечественной войны он, уже пожилой человек, не зная усталости и страха, появлялся с фронтовыми бригадами на передовой — нес бойцам великую радость искусства. А в 1948 году, вернувшись в родную Рязань и став преподавателем музыкального училища, Вячеслав Дмитриевич организовал так называемый открытый класс для рабочих с предприятий, для студентов, солдат...

... Все о прошлом да о прошлом. Пожалуй, кто-нибудь, чего доброго, заключит: не обманула, дескать, мебель, завели нас в музей. Нет, в этой комнате не музей, а творческая мастерская.

Что ж скрывать. Вячеславу Дмитриевичу исполнилось 67. Но разве дело в возрасте! Ни годы, ни даже пенсия не остудили юношеского пыла.

Он — как геолог. Только тот ищет полезные ископаемые, а этот — таланты. Ищет всюду: на смотрах самодеятельности (Вячеслав Дмитриевич — неперенный член почти всех жюри), на конкурсах, концертах и даже... на улице. Услышит, например: двое парней разговаривают. И голос одного вдруг покажется ему интересным.

— Слушайте, дорогой, — тронет его за плечо Вячеслав Дмитриевич, — вы зашли бы ко мне. Хочу вас послушать...

Он — как ювелир. До тех пор не успокоится, пока не засияет найденная им драгоценность всеми своими гранями.

Несколько лет назад зашел к нему курсант артиллерийского училища. Вытянувшись по швам, представился с заметным украинским выговором:

— Шапарь, Иван... Прослушайте меня, пожалуйста.

Оказалось, была в училище на са-

Послушал его Вячеслав Дмитриевич и не очень обрадовался: кричит. Но в то же время чутье подсказывало ему: что-то есть.

— Давайте заниматься, — сказал он.

Потребовалось немалое терпение и настойчивость, чтобы выявить это «что-то». Лишь месяца через три на очередном занятии Вячеслав Дмитриевич «поймал» своего питомца на одном из упражнений. Неожиданно Иван дал мягкий звук. Дела пошли на лад. Но чтобы подготовить его в консерваторию, потребовалось еще три года...

А недавно, 1-го Мая, разбирая пухлую папку поздравительных телеграмм и писем, Вячеслав Дмитриевич наткнулся на одно — с иностранными марками и штемпелями. Обратный адрес — «Италия, Рим».

Здравствуй, дорогой Вячеслав Дмитриевич и Мария Семеновна! Вот ваш знакомый солдатик Ваня Шапарь и в Риме. Да, в те времена, когда я был в полном солдатском облачении, трудно было поверить в такое. Но вот это есть: меня направила сюда на стажировку Московская консерватория.

Дорогой Вячеслав Дмитриевич! Мне очень приятно вспомнить те дни, когда я только начинал делать первые шаги в вокальном искусстве и еще более приятно сознавать, что Ваш труд пока не пропал даром. Здесь, в Италии, я еще и еще раз убеждаюсь, что из Ваших рук всякий материал (я имею в виду вокальный) получает все, что только можно: даю этому голосу, и даже больше, чем можно. И хочется снова сказать Вам сердечное спасибо, как замечательному педагогу и как милочному, скромному и самому отзывчивому человеку»...

Скоро Вячеслав Дмитриевич и Мария Семеновна, верная его подруга, отметят свою «золотую свадьбу». Большая жизнь за плечами. Сколько сделано! Кажется, можно бы и отдохнуть. Но человек не хочет покоя.

И опять на добрый его огонек в дом № 25 по улице Павлова слетается молодежь. Звучит за окном пианино. Слышен голос Вячеслава Дмитриевича: «Мягче... Ритм! Ритм — душа музыки»...

С кем он занимается? Кто у него сегодня? Коля Шмаков или Иван Милос с радиозавода, Владимир Вековищев с электролампового, Дима Дунин или Герт Багдасарова из радиоинститута... У шедшего сердца много друзей.

В. КОЖЕМЯКО.

г. Рязань.

На снимке: В. Д. НАУМОВ занимается с инженером радиозавода И. И. МИЛОВЫМ, техником-конструктором электролампового завода В. С. ВЕКОВИЩЕВЫМ и техником-конструктором радиозавода Н. В. ШМАКОВЫМ.

Фото А. Андреева.